

В. Г. Белинский

Ярчук (,)

собака-духовидец.

Сочин. Александрова...

Виссарион Григорьевич Белинский Ярчук (,) собака-духовидец. Сочин. Александрова (Дуровой)

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2828355*

Аннотация

«...Мы не без намерения так подробно изложили содержание этой повести. Мы хотели приобрести полное право спросить наших читателей: понимают ли они хоть что-нибудь в этой груде нескладных небылиц? По всему видно, что автор хотел написать *фантастическую* повесть; но, во-первых, фантастическое отнюдь не то же самое, что нелепое; а во-вторых, фантастическое требует не только таланта, но и еще таланта фантастически настроенного, и притом огромного таланта. Таким был гениальный Гофман...»

Содержание

**Виссарион Григорьевич
Белинский
Ярчук (,) собака-
духовидец. Сочин.
Александрова (Дуровой)**

*ЯРЧУК (,) СОБАКА-ДУХОВИДЕЦ. Сочин.
Александрова (Дуровой). В двух частях. С.-
Петербург. 1840. В тип. императорской Российской
академии. В 12-ю д. л. В I-й части – 149; во II-й –
161 стр.*

Г-н Александров, видно, решил дарить нам каждый месяц по большой повести. Доброе дело! а то, право, нечего читать. На этот раз г. Александров вводит своих читателей в мир фантастического, мир сколько обаятельный, столько и опасный – истинный подводный камень для всякого таланта, даже для всякого немецкого поэта, если он не Гофман. Правы ли мы – судите сами. Дело вот в чем.

В конце XVII столетия, не знаем, где именно, только не в России, человек пять студентов решились погулять за городом. Беспреданно представлявшиеся им то там, то здесь кладбища навели на них уныние и возбудили охоту рассказывать друг другу страшные истории. Эдуард начал расска-

зывать историю своей собаки Мограби. Этот Мограби – ярчук, то есть собака-духовидец, – качество, свойственное всякой черной собаке, мать которой вся черная и родилась тоже от черной собаки, и так до восьми включительно: девятая непременно – ярчук. Мограби хотели убить служители, но Эдуард выпросил ему жизнь у своего отца, еще бывши ребенком. Скоро Мограби навел ужас на весь дом несколькими доказательствами своей страшной способности видеть духов. Однажды к ним приехал богемский барон, бледный молодой человек с угасшими глазами. Мограби обнаружил фантастический ужас от его присутствия, а барон, узнав способности этой собаки, упал в обморок, – и больше его не видели. Ставши студентом, Эдуард бродил с своим Мограби по Богемии и однажды ночью заплутался в диком лесу. Мограби обнаружил признаки духовидения и тащил его за платье в сторону, противную той, куда он направлялся. Вдруг он встречает барона Рейнгофа, который, пригласив его к себе в замок, тотчас же удаляется. Они знакомятся, и барон признается Эдуарду, что он влюблен в дьявола, который явился ему в долине его замка, в полночь, во время полнолуния, в виде женщины, с черными, как смоль, волосами и синими белками глаз, окруженной толпою дьяволов с длинными руками и железными когтями; что он давно подозревает, будто этот дьявол невидимо следит за ним, и что ужас, обнаруживаемый в его присутствии Мограби, совершенно удостоверил его в сей ужасной истине. К этому присовокупил он,

что еще с детства был влюблен в женщину с черными волосами и синими белками глаз, увидев дома ее портрет, и, в заключение, требовал у Эдуарда помощи, чтоб отделаться от адского призрака. Для этого он просил его сходить в заколдованную долину в полночь полнолуния, с Мограби, чтобы убедиться, – явление духов было истинно или это призрак его расстроенного воображения. Эдуард насильно притащил с собою Мограби, надев на него намордник, и в самую полночь действительно увидел чертей. Мограби лишился чувств; только сильно пахучими ароматическими травами Эдуард привел его в чувство и, проклиная барона, уехал, не повидавшись с ним, а Мограби с тех пор начал чахнуть.

Когда Эдуард кончил таким образом свой рассказ, вдруг увидел едущего к ним барона Рейнгофа, но уже не бледного, а цветущего здоровьем, и за ним – Мограби, тоже здорового и скачущего повыше леса стоячего, пониже облака ходячего, тогда как, за минуту назад, он едва ползал. Барон присоединяется к честной компании и, узнав о предмете разговора, начинает доканчивать свою историю, из которой читатель узнаёт, что в заколдованной долине чертей не бывало, а являлось в полнолуние двенадцать старых цыганок, чтоб собирать травы, только в этом месте растущие; из этих трав они составляли сильный яд, которым если помазать темя, то человек мгновенно лишился ума, – и еще такое снадобье, от малейшей дозы которого в человеке исчезал всякий недуг, способности его утончались, веку прибавлялось по малой

мере вдвое. Проклятые цыгане жили неподалеку в овраге и там варили свои дьявольские снадобья, которыми производили огромный торг, наживая горы золота. У них была девушка-сиротка, из цыганок же, с черными волосами и синими белками глаз, которую они насильно приставили к адской лаборатории. Барон, увидев в первый раз чертей, влюбился в Мариолу, ибо узнал в ней свой идеал. Когда Эдуард ушел с Мограби, барон сделался болен от мысли, что вовлек другого в несчастье и погубил чудесную собаку. В припадке бешенства, бросился он в лес и прыгнул в пропасть оврага. Если кто открывал убежище цыган, то они натирали ему голову ядом, чтобы лишить ума: это они сделали и с бароном; но Мариола предварительно натерла его голову благотворным снадобьем. Он освободил ее из подземелья и женился на ней, а старых цыганок с цыганом, захватив посредством солдат, предал суду. Все это у автора длинно, растянуто, многословно; события представляют собою какую-то путаницу разных невероятностей, лишенных всякой занимательности.

Но этим еще не все кончилось. Барон, изволите видеть, нашед свой идеал с черными волосами и синими белками глаз, утопал в блаженстве разделенной любви и предложил Эдуарду познакомить его с своею дьяволоподобною женою; но когда Эдуард приехал в дом, где они остановились, то увидел, что их и след простыл. Ему подали письмо от барона, в котором он уведомляет, что жена его решительно не хочет, чтоб, кроме его, кто-нибудь из мужчин видел ее. В письме

вложен был портрет дьявольской красавицы. Эдуард до того влюбился в этот портрет, что сделался болен и стал с ума сходить; но отец, застав его вечером за портретом, вырвал его из рук и уничтожил, чем и способствовал его выздоровлению. Прошло с тех пор много времени. Барон зовет в письмах своих Эдуарда к себе в гости, говоря, что его жена уже согласна показывать себя другим, что она нисколько не стареется и что ее трудно отличить от старшей дочери. Эдуарду и хотелось было в гости к барону, ради его дочери, да он знал, что отец не позволит ему жениться. Но вот дражайший родитель Эдуарда умер; Эдуарду стукнуло сорок семь лет; он уже и не боится отца, да боится преступить клятву век не жениться, которую дал себе. Наконец не вытерпел – поехал и женился. Все знакомые осуждали его за этот брак, особливо переспелые девы. Выписываем последние строки этой повести: «Поговаривали кой-где в уголках потихоньку, и то крестясь и со страхом оглядываясь по сторонам, что будто бы смерть его была ужасна, сверхъестественна, что в последнюю минуту он явственно услышал вой Мограби и умер, проклиная Рейнгофа и его подарок – портрет Мариолы».

Мы не без намерения так подробно изложили содержание этой повести. Мы хотели приобрести полное право спросить наших читателей: понимают ли они хоть что-нибудь в этой груде нескладных небылиц? По всему видно, что автор хотел написать *фантастическую* повесть; но, во-первых, фантастическое отнюдь не то же самое, что нелепое; а во-вторых,

фантастическое требует не только таланта, но и еще таланта фантастически настроенного, и притом огромного таланта. Таким был гениальный Гофман. В его рассказах, по-видимому диких, странных, нелепых, видна глубочайшая разумность. В своих элементарных духах поэтически олицетворял он таинственные силы природы; в своих добрых и злых гениях, чудаках и волшебниках поэтически олицетворял он стороны жизни, светлые и темные ощущения, желания и стремления, невидимо живущие в недрах человеческой природы. Если угодно, мы беремся показать и доказать глубоко разумное значение каждой черты в любой фантастической повести Гофмана. Но Гофман был один, и доселе природа никому еще не позволяла безнаказанно тянуться в Гофманы. Тик – немецкий писатель с большим талантом; но прочтите его фантастическую повесть, известную на русском языке под названием «Чары любви», – и вы увидите, что, кроме хорошего рассказа, все в этой повести – вздор, возмущающий душу, болезненная галиматья. Но в «Ярчуке» и того не видно: это просто скучный, утомительный рассказ о ничем. С тех пор, как вы узнаете, что в заколдованной долине являлись цыгане, а не черти, и что Мограби заболел от насыпанного на кустах и траве ядовитого порошка, а вылечился потом от маленькой дозы благодетельной мази, данной ему бароном, – Мограби из *ярчука*, то есть *собаки-духовидца*, становится простою собакою, и все его духовидство делается пустою вставкою в сказку, и без того нескладную. Что же ка-

сается до любви Эдуарда к портрету Мариолы, потом до его женитьбы на ее дочери и, наконец, до слухов о его страшной смерти, то это просто пустяки, которые не стоят, чтобы тратить на них слова. Изложение достойно содержания: ни лиц, ни образов; все действующие лица – и идеальная цыганка Мариола, и старая колдунья – говорят тем же языком, как и сам барон Рейнгоф и его мать, именно языком плохих романов прошлого века.

И вот наша современная литература! В куче книг видите вы одну с именем автора, которого первые сочинения обнаружили замечательное дарование¹, с жадностью хватаетесь за нее, – и что же? прочитываете две-три страницы и бросаете... И к чему эти набег на Богемию, эти претензии на изображение фантастического мира? Пишите, господа, о том, что вокруг вас, что можно брать, не ходя далеко. Дело не в содержании, а в таланте. Гоголь и в споре Ивана Ивановича с Иваном: Никифоровичем умел найти богатое содержание... Ничего нет тяжелее обманутого ожидания, ничего нет тяжелее, как перелистывать груды книг.

¹ «Записки П. А. Дуровой», опубликованные Пушкиным в его «Современнике», Белинский охарактеризовал как «занимательные и увлекательные до невероятности» (наст. изд., т. 1, с. 519). Последующие ее произведения заметно уступали «Запискам»; рецензируя почти одновременно с данной повестью другую повесть Дуровой «Угол», Белинский писал о «недостатке вероятности в содержании», «совершенно внешней запутанности в вымысле» и «бледности характеров» (Белинский, АН СССР, т. IV, с. 309).

И все затем, чтобы сказать,
Что их не надобно читать!..²

² Неточная цитата из стихотворения Лермонтова «Журналист, читатель и писатель» (1840).